

ЧТО ТАКОЕ РУССКИЙ ГОРОД В ЗАПИСКАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЕВ
XVI–XVII ВЕКОВ?

П.Д. Малыгин

В статье анализируются записки о России четырёх иностранцев: С. Герберштейна, Я. Пиотровского, Я. Стрейса и Я. Рейтенфельса. Автором делается попытка выяснить для каждого из них, каким эталоном они пользовались при описании русского города. Для этого исследуется терминология, пространственная и временная ступени восприятия иностранцем русского города. Установлено, что в представлениях иностранцев русский город топографически сливается с сельской округой, так как не имеет, как правило, внешней линии укреплений посадов, что было необычно для европейца. Прошлое русского города, связанное с периодом политической самостоятельности, расценивается европейцами как время расцвета, а присоединение к Москве как начало глубокого кризиса.

Ключевые слова: иностранные путешественники, перевод, город-эталон, *civitas*, *oppidum*, *castrum*, категории восприятия, пространственные ступени, временные ступени

Среди источников по истории средневековой России особое место занимают записки иностранных путешественников. Рассказ иностранца, даже при тенденциозности, а зачастую и при плохом знакомстве с предметом, позволяет создать более многостороннее представление о явлении, у которого отечественный наблюдатель видит не все стороны. К тому же, в записках иностранцев встречаются те сведения, которых порой нет в русских источниках¹.

Вот почему с XIX в. на русский язык переводятся многочисленные записки иностранцев². В 1930-х гг. выходит в свет целая серия переводов «Иностранные путешественники о России» под редакцией С.А. Пионтковского. Переводы записок иностранцев о России осуществляются и в настоящее время.

Таким образом, есть все основания попытаться на материале записок о России путешественников и дипломатов выяснить, как воспринимались иностранцами русские города XVI–XVII вв., чем они отличались от европейских городов, что влияло на складывание образа русского города в сознании иностранца, какие изменения происходили в восприятии иностранными путешественниками русского города на протяжении XVI–XVII вв.

Иностранцы, побывавшие в России и описавшие её города, относились к увиденному по-разному. Одни ехали в Россию с твёрдым убеждением в своём превосходстве над русскими и их «варварской» страной. Записки таких иностранцев

¹ *Алташов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 212–213.

² В XIX – начале XX в. были переведены на русский язык записки С. Герберштейна, Д. Горсея, Павла Новокомского, А. Олеария, Э. Пальмквиста, Я. Пиотровского и многих других.

носили нередко характер антирусских пасквилей. Вторые были заинтересованы в русской торговле, в хороших отношениях с Россией, и это находило отражение и в их сочинениях. Сведения о России таких иностранцев, как принято считать, были наиболее объективными. Наконец, третьи, приехав в Россию надолго, здесь обосновывались, занимались торговлей, состояли на русской службе, зачастую принимали православие³. Записки таких иностранцев носили на себе глубокие отпечатки местных русских традиций.

Мы привлекли для ответа на заданный в названии статьи вопрос свидетельства четырёх западноевропейских путешественников и дипломатов, которые на наш взгляд, относятся ко второй, указанной выше, группе иностранцев, писавших о России наиболее обстоятельно. Это, прежде всего, Сигизмунд Герберштейн (1486–1566), один из крупнейших имперских дипломатов XVI в., уроженец славянской Крайны, побывавший в России в 1517 и 1526 гг. и написавший знаменитые «Записки о Московии» (изданы в 1549 г.)⁴. Во-вторых, Ян (Станислав) Пиотровский (1550–1591 гг.), уроженец Польши, ксендз, младший секретарь королевской канцелярии в период похода Батория на Псков в 1581 г., описавший Псков в своём «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию»⁵. В-третьих, Ян Янсен Стрейс (умер в 1694 г.) – голландский путешественник, бывший в России в 1669 г. как парусных дел мастер, и в 1675 г. как конюх и пушкарь в свите чрезвычайного посла Генеральных штатов Голландии и принца Оранского Конрада Ван Кленка, написавший свои известные «Три путешествия» (Амстердам, 1676 г.)⁶. В-четвертых, это Яков Рейтенфельс (годы жизни не известны), уроженец Курляндии, приближённый герцога Козимо III Медичи, живший в Москве в 1670–1673 гг. и издавший свои записки о Московии в Падуе в 1680 г.⁷

Очевидно, что при изучении записок иностранцев многое зависит от точности перевода. При разборе «Записок» С. Герберштейна нами использовались переводы с латинского И.Н. Анонимова⁸, А.И. Малейна⁹, а также латинский текст «Записок»¹⁰. Весьма точным можно считать перевод с польского дневника Я. Пиотровского, сделанный О.Н. Милевским¹¹. Сам переводчик отмечал: «При переводе текста по-русски обращено внимание, во-первых, на то, чтобы перевод был как мож-

³ *Алпатов М.А.* Указ. соч. С.212–213.

⁴ Там же. С. 247–248; *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами. Л., 1978. С.149–151.

⁵ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1: XV–XIII века. С. 44 (п. 62). В отличие от С. Герберштейна, Я. Стрейса и Я. Рейтенфельса, Я. Пиотровский не был ни дипломатом, ни путешественником. Свой дневник он вёл в период военных действий между Россией и Польшей в Ливонской войне. Однако, по общему мнению исследователей, сочинение Я. Пиотровского отличается большой объективностью и является одним из интереснейших источников по истории Пскова и Псковской земли.

⁶ Там же. С. 74 (п. 155); *Стрейс Я.Я.* Три путешествия. М., 1935. С.23–24.

⁷ История дореволюционной России... С. 70 (п. 138).

⁸ Записки о Московии барона Герберштейна / С латинского Базельского издания 1556 года перевёл И. Анонимов. СПб., 1866.

⁹ *Барон Сигизмунд Герберштейн* Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. Введение, перевод и примечания А.И. Малейна. СПб., 1908.

¹⁰ *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI.* Ed. A. Starczewski. Vol. 1. Berolini et Petropli, 1841, С.3–100.

¹¹ Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова) / Пер. с польского О.Н. Милевского. Псков, 1882.

но ближе к подлиннику...»¹². При разборе сведений Я. Стрейса использовался перевод с голландского Э. Бородиной¹³. Перевод с латинского записок Я. Рейтенфельса был осуществлён А.И. Станкевичем¹⁴, который писал: «... перевод сделан нами полностью, без всяких пропусков, причём мы старались держаться, как можно ближе латинского текста, позволяя себе отступления от него только в тех случаях, где не представлялось возможности предать иначе точный смысл подлинника»¹⁵.

Наблюдая русский город, послы и путешественники, естественно, исходили из тех представлений о городах, которые сложились у них на родине, и, таким образом, невольно должны были сравнивать увиденное с привычным¹⁶. Поэтому правомерно, на наш взгляд, ввести понятие «исходного фона» или «города-эталона», образ которого должен был возникать в сознании иностранного путешественника всякий раз, когда он осматривал и описывал русский город. Наиболее чётко «исходный фон» и в связи с этим понятие русского города прослеживаются в «Записках о Московии» С. Герберштейна. И это не случайно. У С. Герберштейна не было в описании России сколько-нибудь достойных предшественников, он был своеобразным первооткрывателем России для Западной Европы XVI в. Понимая важность и ответственность задуманного им дела, С. Герберштейн подошёл к описанию России серьёзно и заинтересованно. Опираясь прежде всего на свои личные впечатления, зная южнославянские языки и обычаи, он написал серьёзную, без лишнего пренебрежения и в целом без предвзятой направленности книгу о России, стремясь показать действительность так, как её понимал¹⁷.

Как видно из «Записок», первым непреложным условием для городского поселения С. Герберштейн считает большое количество зданий, расположенных на незначительной площади. Так, близ Нижнего Новгорода «было очень много домов, на подобие города (civitas)»¹⁸. Смоленская крепость «заклучает в себе очень много домов наподобие города (civitas)»¹⁹. В Московской крепости (Кремле) «много церквей, так что своей обширностью она почти как бы напоминает вид города»²⁰. Этому первому условию, по С. Герберштейну, отвечают как европейские, так и русские города.

Вторым условием для города у Герберштейна является наличие, помимо центрального замка-крепости, чёткой внешней границы в виде стен и башен, за пределами которой нет городской застройки, а располагаются лишь городские предместья и земли. Так, для Москвы «обширное протяжение города производит то, что он не заключён ни в какие определённые границы и не укреплён достаточно ни стеною, ни рвом»²¹. О Пскове: «Город Псков один только во всём владении

¹² Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. С. III.

¹³ Стрейс Я. Указ. соч.

¹⁴ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. М., 1905.

¹⁵ Там же. С. X.

¹⁶ Сахаров А.М. Современники о средневековых городах России и стран Западной Европы // Феодальная Россия во всемирноисторическом процессе. М., 1972. С. 326.

¹⁷ Лимонов Ю.А. Указ. соч. С. 150.

¹⁸ Барон Сигизмунд Герберштейн Указ. соч. С. 136; *Historiae*... С. 58.

¹⁹ Барон Сигизмунд Герберштейн Указ. соч. С. III; *Historiae*... С. 48.

²⁰ Барон Сигизмунд Герберштейн Указ. соч. С. 100.

²¹ Там же. С. 99.

Московского государя окружён стеною и разделён на четыре части, каждая из которых заключена в своих стенах»²².

Для западно- и центральноевропейского города XVI в. были характерны внешние оборонительные укрепления, отделявшие город от предместий. Принцип застройки большинства русских городов был иным. Вокруг центральной крепости (кремля) во все стороны разрастались неукрепленные и не имеющих четких границ посады, на которых обитало основное население города, развивались ремесла и торговля. Довольно наглядно эта разница прослеживается при сравнении изображений XVI–XVII вв. европейских и русских городов. Очень немногие русские города имели несколько линий обороны («окольный город» или «острог») (Москва, Новгород, Псков). Но и в этих центрах большие массивы городских посадов располагались вне стен. Например, в выделенном особо С. Герберштейном Пскове существовал важный для города, но не укрепленный посад – Завеличье.

Таким образом, второму условию по С. Герберштейну большинство русских городов не отвечало. И это очень четко прослеживается в терминологии, применяемой С. Герберштейном для европейских и русских городов. Анализ кратких описаний городов в «Записках о Московии» показал, что подавляющее большинство центральноевропейских (германских, австрийских, моравских, силезских, польских и литовских) городов именуется исключительно термином «*oppidum*» (город, крепость). А большинство упомянутых русских городов именуется словосочетаниями, в состав которых входят термины «*civitas*» и «*castrum*» (крепость) (варианты: *civitas cum castro*, *castrum cum civitate*, *civitas et castrum*, *castrum et civitas*).

Термины, обозначающие европейские и русские города, резко противопоставлены в «Записках» С. Герберштейна. Так, для литовского города Мелник применен термин «*oppidum*» и тут же Гродно (имевший глубокие древнерусские традиции) назван «*castrum cum civitate*»²³.

Таким образом, понятие «исходного фона» или «города-эталона» у С. Герберштейна связано, во-первых, с обобщенным понятием центральноевропейского города, а не с каким-либо конкретным поселением, и во-вторых, с внешним видом города (размеры, планировка, оборонительные укрепления), а не с его внутренним (политическим, социальным и экономическим) устройством. Понятия «крепость» и «городская застройка» для средневропейского города у С. Герберштейна сливаются в единый термин «*oppidum*» или в еще более точный термин «*oppidum muratum*» (город, окруженный стеной)²⁴. Для русского города с неукрепленными, не имеющими четких границ посадами, понятия «крепость» и «городская застройка» связаны воедино, при этом термином «*castrum*» именуется центральное укрепление (кремль, т. е. непосредственно «город»), а термином «*civitas*» – неукрепленные

²² Барон Сигизмунд Герберштейн Указ. соч. С. 121.

²³ *Historiae*... С. 90.

²⁴ Термин «*oppidum muratum*» применён С. Герберштейном для силезского города Козле: (*Historiae*... С. 100). Интересно, что русские монастыри, окруженные стенами, напоминали С. Герберштейну средневропейские города: «Невдалеке от города находится несколько монастырей, каждый из которых, если на него смотреть издали, представляется чем-то вроде отдельного города» (Барон Сигизмунд Герберштейн Указ. соч. С. 99). Взаимосвязь понятий «город» и «крепость» для западноевропейских городов хорошо прослеживается при описании Я. Стрейсом города Тиль Бриттон (Ирландия): «Что касается города, то он окружен хорошим валом и представляет собой отличную крепость» (*Стрейс Я.* Указ. соч. С. 347).

посады. «Civitas»— термин, обозначающий не только «город», но и «общину», «государство». Видимо, именно этот термин считался С. Герберштейном наиболее подходящим для обозначения разбросанных, не имеющих чётких границ посадов большинства русских городов²⁵.

В записках иностранцев второй половины XVII в. (Я. Стрейс и Я. Рейтенфельс) уже нет чётко сформулированных понятий «города-эталона» и «русского города», хотя типологически русский город XVII в. мало, чем отличался от русского города XVI в. И Стрейс, и Рейтенфельс именуют все русские и европейские города единым термином «город». Дело здесь, видимо, прежде всего, в том, что во второй половине XVII в., благодаря многочисленным путешествиям в Россию и её описаниям, а также в связи с развитием торговли России с Западом, Европа уже достаточно хорошо представляла себе русский город. У путешественников той поры не было необходимости вводить какую-либо особую терминологию для русского города и специально формулировать понятие «города-эталона» или «исходного фона». Я. Стрейс, приехавший в Россию из страны первой буржуазной революции, как человек нового времени, был рационалистом. Вот почему в «Трёх путешествиях» он описывал, и очень подробно, лишь то, что казались ему нужным для самого себя и своей страны. В отличие от Герберштейна, Стрейс не сравнивает русский город с каким-то обобщенным понятием европейского города, он сравнивает его с голландскими городами²⁶, цены на продукты на русских рынках он сравнивает с ценами на продукты в Голландии²⁷ и т. п.

Но, несмотря на различие во взглядах на русский город и вообще на городское поселение европейских путешественников XVI и XVII в., их сведения, вместе взятые, дают довольно яркое представление о русском городе той поры. В записках путешественников и XVI, и XVII вв. выделяются взаимосвязанные, как мы их назвали, категории восприятия русского города. Это, во-первых, город в пространстве, и, во-вторых, город во времени.

Восприятие русского города в пространстве создавалось по мере приближения путешественника к городу. Здесь можно выделить три, постепенно сменяющиеся и в то же время взаимосвязанные пространственные ступени:

1. городская округа;
2. город и его ближайшие окрестности (город издали);
3. непосредственно город (путешественник внутри города).

Округа русского города в записках иностранцев представляет собой не столько реальное пространство, сколько его преосмысление, связанное со значением для Русского государства той или иной территории или вообще с богатствами или бедностью страны. Характерно описание округа в дневнике Я. Пиотровского, где одна картина сменяется другой по мере приближения войска С. Батория к Пскову. 23 июля: «... мы углубились теперь в эти темные леса, как в какой-либо ад, ... уже пятый день как мы стараемся выйти из лесов...»²⁸ 8 августа: «Я выбрался из пустырей в лучшую и более плодородную страну и провёл ночь в 5 милях от Воронца: там обилие во всем, деревни ... расположены густо, ...на полях большой

²⁵ Исключения, возможно, связанные с редактированием «Записок» при их издании, составляют единичные города.

²⁶ Стрейс Я. Указ. соч. С. 147.

²⁷ Там же. С. 181.

²⁸ Дневник последнего похода... С. 54–55.

урожаем и много хлеба»²⁹. 16 августа: «Мы уже вступаем в веселую и плодородную страну повсюду деревни; земля как Жулавская, может быть, даже и лучше»³⁰. 22 августа: «... въезжаем в какую-то другую страну: хлеба не видно, только кустарники и совершенно пустые поля»³¹. 25 августа: «... в полмили от города (Пскова. – *П.М.*) тянутся частые холмы, покрытые можжевельником; мы хватили там руками, гоняясь на лошадях, зайцев, дроф, куропаток...»³²

Представление о русском городе при взгляде на него издали складывается у иностранцев из нескольких компонентов. Прежде всего, иностранцам бросается в глаз, как уже отмечалось выше, отсутствие чёткой границы между городом и предместьем, городскими землями. Русский город за счёт неукреплённых посадов, в глазах иностранца как бы сливается с сельской округой. Происходит своеобразное взаимопроникновение города в сельскую округу, и сельской округи – в город. Характерно в этом отношении описание Москвы С. Герберштейна: «...большую прибавку к городу делают пространные сады и дворы (*ageal*) при каждом доме; еще более увеличивается он от растянувшихся длинным рядом в конце его домов кузнецов и других ремесленников... к тому же между этими домами находятся луга и поля. Далее, невдалеке от города заметны некоторые домики и заречные слободы...»³³ Такое взаимопроникновение города и округи необычно для европейца, и ему русские города, не имеющие чётких границ, кажутся очень обширными по площади, гораздо большими, чем города Западной Европы и к тому же гораздо большими, чем они есть на самом деле. Так, С. Герберштейн отмечает, что Москва «издали ... кажется ещё обширнее, чем есть на самом деле»³⁴. Я. Пиотровский при виде Пскова (тоже издали) восклицает: «Господи, какой большой город, точно Париж!»³⁵ и далее: «... город чрезвычайно большой, такого нет во всей Польше»³⁶.

С восприятием иностранцами русского города издали связано и понятие красоты, привлекательности города. Я. Пиотровский: «Любуемся Псковом»³⁷; Я. Стрейс о Торжке: «...он весьма населен и красив»³⁸. Европейцы объясняют, что, по их мнению, придаёт красоту тому или иному русскому городу. Это, во-первых, наличие множества церквей и колоколен. Так, Я. Пиотровский пишет, что Псков весь обнесён стеной, а «за нею красуются церкви, как густой лес... домов за стенами не видно»³⁹. Как пишет Я. Стрейс, Торжок «красив оттого, что в нём свыше тридцати церквей и часовен»⁴⁰; «Множество церквей и колоколен делает Москву весьма красивой»⁴¹; в Новгороде «многочисленные церкви и колокольни, легкие,

²⁹ Дневник последнего похода... С. 66.

³⁰ Там же. С. 85.

³¹ Там же. С. 91.

³² Там же. С. 94.

³³ *Барон Сигизмунд Герберштейн* Указ. соч. С. 99.

³⁴ Там же.

³⁵ Дневник последнего похода... С. 92.

³⁶ Там же. С. 94.

³⁷ Там же. С. 92.

³⁸ *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 151.

³⁹ Дневник последнего похода... С. 94.

⁴⁰ *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 151.

⁴¹ Там же С. 156–157.

но прочные украшают город»⁴²; «С внешней стороны из-за множества башен и церковных глав Астрахань выглядит весьма красивой»⁴³.

Во-вторых, красоту некоторым русским городам придаёт рельеф местности. Я. Пиотровский о Пскове: «Местность превосходная: город расположен на красивой равнине...»⁴⁴; Я. Рейтенфельс о Москве: «Красоте не мало способствует семь, умеренной высоты, холмов, на которых она отлого возвышается»⁴⁵.

Но уже при въезде на городские улицы иностранцу бросается в глаза неприглядность и даже, порой, убожество городской застройки, контрастирующей с видом на этот же город издали. Я. Стрейс о Пскове: «... издали город, благодаря множеству церквей и башен имеет привлекательный вид; внутри же это не что иное, как жалкое гнездо, которое нельзя сравнить даже с самым незначительным городом Нидерландов»⁴⁶.

Эта неприглядность городской застройки связывается прежде всего с жилыми зданиями. Новгород: «что касается домов, то они строятся плохо»⁴⁷; Псков: «дома сложены из больших брёвен и балок без всякой красоты и великолепия»⁴⁸. Однако, эта неприглядность – не результат неумения, а результат нежелания русских красиво строить. Так Я. Рейтенфельс, отметив «неуклюжесть» многих построек Москвы, фиксирует: «много иных домов бояр и иностранцев... весьма красивых на вид», «изящный дворец боярина Артамона Сергеевича», «великолепнейшие здания князя Грузинского и Печатного двора»⁴⁹.

Неприглядность внутренней жилой застройки русских городов в глазах иностранцев была напрямую связана со строительным материалом, идущим на постройку зданий. Для человека, приехавшего из Европы, где почти ни одной постройки не соорудились целиком из дерева, красота и добротность городской застройки ассоциировалась прежде всего с камнем. С. Герберштейн отметил о Москве: «... город, кроме немногих каменных зданий, храмов и монастырей, выстроен из одного дерева»⁵⁰. Я. Стрейс о Москве: «Среди такого множества домов весьма мало домов каменных ... даже знатные господа живут в деревянных домах»⁵¹. Я. Рейтенфельс с удивлением отмечает, что в Москве есть площадь, «на которой продаётся невероятное количество всякого леса: балок, досок, даже мостов и башен, срубленных ... домов, которые ... перевозят куда угодно»⁵².

Иностранцы, не учитывая дешёвизну деревянных построек по сравнению с каменными, пытаются объяснить такое обилие деревянных жилых домов в городах их более благотворным влиянием на здоровье человека, нежели каменных⁵³. Но подобные объяснения теряются среди описаний страшных и очень частых пожаров в русских городах. Вот что пишет об одном московском пожаре Я. Стрейс:

⁴² Стрейс Я. Указ. соч. С. 149.

⁴³ Там же. С. 193.

⁴⁴ Дневник последнего похода... С. 94.

⁴⁵ Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 92.

⁴⁶ Стрейс Я. Указ. соч. С. 147.

⁴⁷ Там же. С. 149.

⁴⁸ Там же. С. 147.

⁴⁹ Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 149, 94–95.

⁵⁰ Записки о Московии... С. 97.

⁵¹ Стрейс Я. Указ. соч. С. 159, 147.

⁵² Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 94.

⁵³ См., напр.: Стрейс Я. Указ. соч.

«По большей части ... дома московитов деревянные с большими печами, и часто по причине их (московитов) великой неосторожности накаляются до того, что весь дом и двор попадают в печь. Примерно за шесть недель до нашего прибытия прошло сильное опустошение, когда тридцать или сорок тысяч домов были охвачены пламенем и сгорели до тла, что причинило невероятные убытки московитам...»⁵⁴ Я. Рейтенфельс, описывая Москву, отмечает, что «многие дома, даже среди города, не имея дымовых труб, выпускают дым через ... окна»⁵⁵, т. е. топились «почёрному», чем ещё более усиливали угрозу пожаров. Таким образом, халатное отношение жителей русских городов к огню и в то же время «нежелание» строить каменные дома, несмотря на огромные убытки, приносимые пожарами, вызывают у западноевропейских путешественников недоумение.

Следует отметить, что при описании внутреннего устройства русских городов иностранцы применяют, понятия целого и частей. Разделение русского города на несколько частей в записках европейцев связывается либо с социальным положением населения, либо с административным управлением. Так, Я. Стрейс отмечает, что Москва «делится на четыре части» и что в Китай-городе «живут самые богатые купцы, князья и знатные люди»⁵⁶. С. Герберштейн при описании Торжка отметил, что «одна половина его была под властью Новгорода, другая под властью Твери, и управляли там два наместника»⁵⁷.

Восприятие иностранцами русского города во времени осуществляется по трём основным направлениям, каждое из которых позволяет увидеть город в трёх временных состояниях:

1. Прошлое и настоящее города;
2. Город летом и зимой;
3. Город ночью и днём.

Прошлое и настоящее русских городов связывается с их политической историей. И это касается особенно тех городов, которые до присоединения к Москве были центрами самостоятельных земель и княжеств. Так при описании Новгорода и Пскова иностранцами XVI–XVII вв. чётко выделяются два периода в их истории: до и после присоединения к Москве. При этом первый период связывается с расцветом города, а второй – с упадком. «... После того, как Иван Васильевич, великий князь московский, завоевал его (Новгород. – *П.М.*)... город лишился своего управления, а также привилегий, независимости и прав. С тех пор упала и торговля...» (Я. Стрейс)⁵⁸. В Пскове московский князь «совершенно уничтожил их (псковичей. – *П.М.*) свободу, выведя их колониями в другие места и водворив на место московитян» (С. Герберштейн)⁵⁹.

В этой связи возникает проблема облика не столько города, сколько его населения, в частности характера и особенностей горожан. Иностранные путешественники отмечают коренное изменение нравов жителей Новгорода и Пскова, произошедшие с их присоединением к Москве. Жители последней по словам С. Герберштейн «считаются хитрее и лживее всех остальных русских, и в особенности на

⁵⁴ Стрейс Я. Указ. соч. С. 159.

⁵⁵ Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 96.

⁵⁶ Стрейс Я. Указ. соч. С. 158.

⁵⁷ Записки о Московии... С. 112.

⁵⁸ Стрейс Я. Указ. соч. С. 148.

⁵⁹ Записки о Московии... С. 116.

них нельзя положиться в исполнии контрактов»⁶⁰. До присоединения к Москве «народ» в Новгороде «был очень обходительный и честный, но ныне является весьма испорченным; вне сомнения это произошло от Московской заразы, которую туда ввезли с собою заезжие москвиты»⁶¹; «... вместо более общительных и даже утончённых обычаев псковитян почти во всех делах введены были гораздо более порочные обычаи Московитов»⁶².

Важно отметить, что С. Герберштейн не просто противопоставляет былое величие Новгорода и Пскова их состоянию в нач. XVI в., но пытается выяснить причины расцвета этих городов в прошлом и находит их в политическом устройстве. «Они (новгородцы. – П.М.) ставили по своей воле князей, правивших их республикою (qui ipsorum Reipublicae praeessent)»⁶³. В средневековом Пскове имелся «колокол, звоном которого созывался сенат для совещания о государственных делах (Senatus ad rempublicam constituendam cogebatur)»⁶⁴. В XVII в. Я. Стрейс тоже противопоставляет настоящее и прошлое этих двух городов, но не вникает в историю их политического устройства. Так, для него Новгород в прошлом – просто сильное независимое «княжество». «(Новгород) прежде имел своего князя и правительство, не подвластное ни царю, ни Швеции, ни Польше, чеканил свою монету, а также владел всем тем, что полагалось законному князю и господину»⁶⁵.

Восприятие русского города иностранцами происходит и в более коротких временных пределах. Представление о русском городе летом и зимой связаны у иностранцев прежде всего с проблемой передвижения по городским улицам и дорогам, соединяющим один город с другим. Летний, и особенно осенний и весенний русский город ассоциируется у иностранных путешественников с грязью на улицах. О Москве С. Герберштейн отмечает, что «город в достаточной мере грязен, почему на площадях, улицах и других более людных местах повсюду устроены мостки»⁶⁶. Я. Стрейс отмечает о той же Москве: «такая илистая и скользкая дорога, что тонешь по колена в грязи»⁶⁷. Причину такой грязи на улицах русского города западноевропейские путешественники видят в том, что «улицы вымощены не камнем, а деревянными бревнами или кольями, положенными в один непрерывный ряд, постоянно, впрочем, покрытыми грязью или толстым слоем пыли»⁶⁸.

В отличие от летнего, осеннего и весеннего сезонов, зимой улицы и мостовые в русских городах «бывают гладки... когда снег и лед сравнивают всё»⁶⁹. В это время становятся прекрасными санными путями замерзшие русла рек, а зимний русский город ассоциируется у иностранцев с чистыми заснеженными улицами.

И, наконец, в записках иностранных путешественников рисуется русских город в течение суток. Ночной русский город ассоциируется у С. Герберштейна с тёмными улицами посадов, которые «в некоторых местах ... запираются положенными поперёк бревнами и при первом появлении ночной тьмы так оберегают-

⁶⁰ Записки о Московии... С. 98.

⁶¹ Барон Сигизмунд Герберштейн Указ соч. С. 119–120.

⁶² Там же. С. 116.

⁶³ Записки о Московии... С. 112–113.

⁶⁴ Там же. С. 116.

⁶⁵ Стрейс Я. Указ. соч. С. 148.

⁶⁶ Барон Сигизмунд Герберштейн Указ. соч. С. 100.

⁶⁷ Стрейс Я. Указ. соч. С. 159.

⁶⁸ Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 92–93.

⁶⁹ Там же. С. 93.

ся приставленными сторожами, что ночью после известного часа там нет никому доступа»⁷⁰. Я. Рейтенфельс, продолжая эту тему, пишет о том, что ночью сторожа находятся у ворот и «извещают о каждом часе ночи ударами дубины по бревнам»⁷¹, и что в Астрахани татарам, «хотя и покоренным, не позволено ночевать в городе ... по заходу солнца они высылаются в предместье, чтобы город мог с большей безопасностью заснуть»⁷². Таким образом, у иностранцев создается представление об опасностях на ночных улицах русского города и трудностях охраны неукрепленных стеной посадов.

Русский город в дневное время воспринимается иностранцами многопланово. Больше всего данных о «дневном» русском городе можно найти в списках путешественников XVII в., но все они четко не связаны с понятием города во времени, а относятся к обычным мелочам и подробностям образа жизни горожан.

В заключении необходимо подвести некоторые итоги.

Можно говорить о различиях в восприятии русского города иностранными путешественниками на протяжении XVI–XVII столетий. Если С. Герберштейн, как один из первых «открывателей» России, уделял при описании русских городов большое место обобщенным понятиям и терминологии, то у Я. Стрейса и Я. Рейтенфельса, которые использовали труды о России своих предшественников, и жили уже в другую эпоху, обобщенные понятия заменяются конкретными сравнениями.

Наличие в подавляющем большинстве русских городов неукрепленных посадов, затрудняет западноевропейскому путешественнику воспринимать русский город как нечто единое целое. В представлениях иностранцев русский город топографически сливается с сельской округой, что необычно для европейца. Наконец, прошлое русского города, связанное с периодом политической самостоятельности, расценивается европейцами как время расцвета, а присоединение к Москве как начало глубокого кризиса.

Литература:

- Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973.
Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами. Л., 1978.
Сахаров А.М. Современники о средневековых городах России и стран Западной Европы // Феодальная Россия во всемирноисторическом процессе. М., 1972.

P.D. Malygin

WHAT IS RUSSIAN CITY IN NOTES OF WEST EUROPEANS XVI-XVII CENTURIES

Summary

In article are analyzed notes about Russia of S. Gerbershtejn, J. Piotrovsky, J. Strejs and J. Rejtenfels. The author attempt to find out for each of them becomes, they used what standard at the description of Russian city. Terminology, spatial and time steps of perception is for this purpose investigated by the foreigner of Russian city. It is established that in repre-

⁷⁰ *Барон Сигизмунд Герберштейн* Указ. соч. С. 100.

⁷¹ *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 153.

⁷² Там же. С. 201.

sentations of foreigners Russian city топографически merges with rural округой as has, as a rule, no external line of strengthenings posady that was unusual to the European. The past of Russian city connected with the period of political independence, is regarded by Europeans as blossoming time, and joining to Moscow as the beginning of deep crisis.

Keywords: foreign travellers, transfer, a city-standard, civitas, oppidum, castrum, perception categories, spatial steps, time steps
